

Книги серии
«На крыльях Надежды»:

- «ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ»
- «КАК ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НАСЛЕДСТВА»
- «В ВОЕННУЮ АКАДЕМИЮ ТРЕБУЕТСЯ»
- «ТЫ ЖЕ ВЕДЬМА!»
- «ВОДНЫЕ МАГИ ЖГУТ»
- «АДЕПТЫ ОБМЕНУ И ВОЗВРАТУ НЕ ПОДЛЕЖАТ»
- «У ВОЛШЕБСТВА ЗАПАХ КОРИЦЫ»
- «АКАДЕМИЯ ТЕМНЫХ ВЛАСТЕЛИНОВ»
- «ЧАРОДЕЙКА НА ВСЮ ГОЛОВУ»
- «СПАСТИ ДИПЛОМ, УГНАТЬ ДРАКОНА»
- «ПОПАСТЬ В ОТБОР, УКРАСТЬ ПРОКЛЯТЬЕ»
- «ДОСТАТЬ ДРАКОНА, ПОЙМАТЬ КОРОНУ»
- «ЗЛОДЕЙКА В АКАДЕМИИ. ПОПАСТЬ В ИСТОРИЮ»
- «ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА ДРАКОНА»**
- «АДЕПТКА ВТОРОГО ПЛАНА»
- «НА ПЕРЕСДАЧУ — С КЛЫКАМИ!»
- «КАК ЗАЩИТИТЬ ДИПЛОМ ОТ ХИЩНИКОВ»
- «КРЫЛЬЯ К РЕЗЮМЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫ»
- «СТАЖИРОВКА ВНЕ ЗАКОНА»
- «АДЕПТКА, КАКОГО ТЛЕНА?!»

НАДЕЖДА
МАМЕВА

Главная проблема дракона

RUGRAM

Москва
2026

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
М22

Мамаева, Н.

М22 Главная проблема дракона / Н. Мамаева. — М. : RUGRAM, 2026. — 402 с. — (На крыльях Надежды).

ISBN 978-5-517-13648-0

Попасть в книгу — не напасть, как в сюжете б не пропасть. Даже если знаешь тот как родной. Ведь ты его автор. При таком раскладе главный принцип выживания среди героев — не выдать себя. Иначе, если те узнают, сколько добра ты для них сотворила, — обязательно от души отблагодарят. Но посмертно.

Только я не согласна с таким раскладом. И вообще намерена жить долго, счастливо, с комфортом и безо всяких принцев. Как настоящая злодейка, которую не смогли поймать!

Это был бы идеальный план, если бы не один расчетливый, надменный интриган. Но ничего, мы еще посмотрим кто кого, ваше дракошество...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13648-0

© Надежда Мамаева, текст, 2025
© Юлия Таланова, обложка, 2025
© Виктория Иванова, редактор, 2025
© Дарья Нордова,
внутренние иллюстрации, 2025
© Ольга Николаева, Дарья Альгина,
Люция Бирюкwa, Мария Ведлога,
Венера Сычева, вычитка, 2025
© RUGRAM, 2025

ГЛАВА 1

новый мир нужно приходить как на работу: чтобы тебя ценили, уважали и боялись. С первым и вторым у меня, правда, не задалось. Зато сердечного трепета у единственного свидетеля имелось даже в избытке. Еще бы: ведь не младенец на свет явился, а покойница поднялась из гроба.

Этот неловкий момент случился как раз тогда, когда какой-то усатый тип склонился надо мной и с деловитым видом начал обшаривать руки и шею, явно что-то ища. А усопшая я возьми да и открой глаза. И не просто распахни их, а еще и заговори.

— Нашли что-нибудь интересное? — сипло поинтересовалась я, увидев перед собой одутловатое рябое лицо с полуоткрытым ртом. В нос ударило дурное дыхание замершего надо мной типа.

Он, услышав мой голос, вытаращился, замер, а потом тихо проблеял: «Ма-ма», покачнулся и... потерял сознание. Видимо, от избытка чувств. У меня их, к слову, тоже оказалось немало. Правда, в основном не тонко-возвышенных, а банальных: голода, холода и саднящего горла.

Потому что я вдруг ощутила, как вокруг было жестко, стыло и темно, точно в склепе... Села в гробу, огляделась и поняла, что «точно» тут, похоже, лишнее. Беленые стены, небольшое оконце,

расположенное выше человеческого роста. Через него была видна круглая луна. Ее свет лился сейчас через проем, превращая совсем уж непроглядный мрак в игру серых теней в углах.

Впрочем, я смогла все же различить каменные надгробия. Их было с десятков. У дальней стены стоял постамент из светлого то ли мрамора, то ли гранита. На нем возвышалась статуя девы в балахоне. Распущенные волосы, венок на голове, взгляд, воздетый к низкому сводчатому потолку, руки, сложенные на груди в молитвенном жесте, — все намекало на то, что покоится тут, по правилам хорошего тона, положено с миром, а не воскресать посреди ночи.

Но я никогда не была поборницей этикета, так что критически глянула на саркофаг, в котором оказалась: плита того была сдвинута наполовину.

Да уж... Не нужно было быть гением, чтобы понять: меня похоронили! Заживо!

Что случилось? Я попала в аварию? Инсульт в двадцать с небольшим после селекторного совещания? Закоротило зарядку мобильного и меня ударило током? Почему я здесь?

Попыталась вспомнить — и... ничего! Словно я сама уже проснулась, а голова — еще нет. Мозги висли и не загружались, как тормозящий процессор.

А может, это оттого, что я начала осознавать: если бы не этот вор, то Дарья Стрельникова, очнувшись под плитой, могла бы...

Вот только почему я в склепе и саркофаге, а не в могиле и деревянном гробу? Это было бы... привычнее, что ли. Хотя умерла я впервые, и предпочтения в вопросе погребений еще не успели сформироваться. Единственное, что стало ясно: у меня явно непереносимость к кремированию... Да такая, что от нее и помереть можно. С гарантией невоскрешения.

Да уж... Реши скорбящий отец не уложить дочурку сюда, а развеять прах по ветру, меня бы уже на этом свете не было. Хорошо, что папа был человеком практичным. И в делах собственной фирмы, и в семейных.

В любом случае я разберусь во всём, что случилось, только вот выберусь отсюда... Желательно не только живой, но и здо-

ровой. Последнее было под вопросом, потому как холоднящий саркофаг ненавязчиво так намекал на насморк.

А я же лежала в нем в одном тоненьком саване. Жиденькая подушка и две простынки в качестве посмертного наследия не в счет.

Так что я постаралась встать. Вот только тело, судя по всему, пока лежало, задеревенело и слушалось меня плохо. Даже мелькнула мысль, что, может, я и вправду стала каким-нибудь умертвием? Испугавшись, прижала дрожащий палец к яремной вене на шее и почувствовала учащенный пульс. Нет, все же живая...

С такими мыслями я и взяла ноги в руки. Вернее, ногу. Обхватила ее за голень ладонью и... Судорожно сглотнула. Пальцы были не мои! Слишком тонкие, музыкальные и без какого-либо намека на маникюр!

Лихорадочно начала ощупывать тело, искать себя. И... не нашла! Ни пресса, над которым работала в спортзале, ни короткой дерзкой стрижки, ни пирсинга в левом ухе... Вместо этого имелись тонкая талия, длинные светлые локоны и, судя по всему, большие неприятности.

— Так, Дашка, решаем проблемы по мере их поступления, — произнесла я вслух, чтобы хоть как-то приободрить саму себя.

Зря. Голос, прозвучавший в тишине склепа, был явно не предназначен для воодушевляющих речей, постановки задач и вообще руководства. С таким только подаяния и просить. Тьфу! Как меня так угораздило...

Зато злость добавила сил, чтобы восстать... Хотя скорее вывалиться из гроба. И едва я оказалась на полу, как увидела валявшийся на камнях ломик. Им, похоже, и отжимали надгробие. А рядом с инструментом, собственно, и самого отжимателя. И надгробий, и ценностей у покойников, почивших в склепе.

Судя по тому, как неспешно, едва заметно поднималась грудная клетка у рябого, он был жив. Только в обмороке. В нем же пребывали и все мои приличные слова по поводу того, как здесь холодно. В саркофаге оказалось еще ничего, не так мерзло...

Взгляд упал на вора. Тот был всяко богаче меня в плане одежды и обуви. Их-то я и решила позаимствовать. А что — кто первый очнулся, того и сапоги!

Так что стянула их с грабителя. А заодно и плащ. Стало теплее. Но, увы, ясности в происходящем не добавило. А вот со-вестно стало: все же лежавший на полу мужик мог из-за меня подхватить воспаление легких.

Прикинула: весил он вроде не так и много, можно и заки-нуть в гроб...

Вот только то, что для меня прежней было «не так и много», для новой оказалось «ого-го сколько». Но упорство-то было ста-рым! Так что я, пыхтя, затолкала типа в каменный ящик, чтоб не застудился, прикрыла простынкой, и тут веки рябого дрогнули, нос-гуля с шумом втянул воздух, и мой спящий некрасавец на-чал пробуждаться.

Я же на всякий случай схватила с пола ломик. С ним было не так страшно. К тому же других крепких аргументов и желез-ных доводов для предстоящей беседы у меня не было. А погово-рить было очень надо...

Однако очнувшийся вор оказался не слишком разговорчи-вым. Он предпочитал орать. В основном — благим матом. А еще пытаться удрать от меня из гроба. Вот только рябой от страха запутался в простыне, ударился сначала ногами о наполовину сдвинутую крышку гроба, потом затылком о стенку у изголовья и... вновь отбыл в обморок.

— Да ты издеваешься... — ошарашенно выдохнула я, глядя на то, как вор вторично самоуспокоился, и решила, пока граби-тель в отключке, его еще и связать. Чтоб не нанес себе в очеред-ной раз тяжких телесных, плохо совместимых с эффективным допросом, повреждений.

В ход пошла все та же злополучная простынка, которую я порвала на лоскуты, связала их и зафиксировала получившей-ся веревкой руки и ноги рябого.

А тот все не приходил в сознание. Пришлось коротать вре-мя, осматривая склеп. Прочитала выбитые на надгробиях слова. Сделала сразу три открытия. Во-первых, начертание букв здесь было совершенно иным. Во-вторых, я понимала, что местными

литерами написано. В-третьих, фамилия Костас, что встречалась чаще всего, ни о чем мне не говорила.

Куда больше я почерпнула из холщовой сумы, на которую наткнулась у самой двери. Торба лежала у гранитных ступеней лестницы, в тени, и я, пока об нее не запнулась, и не заметила.

Внутри оказались ножи, набор каких-то крючков — судя по всему, отмычек. Бутылки с какими-то жидкостями и бутерброд. Вернее, его подобие: ломоть от ковриги хлеба и кусок вяленого мяса. Все это завернуто во что-то похожее на старую газету.

Последнюю я отложила, уделив все свое внимание еде: дал о себе знать голод. Но едва начала жевать, как почувствовала резкую боль и...

Меня вывернуло. Первая мысль, которая пришла после того, как отдышалась: не нужно было брать чужое, а вторая... Второй не случилось. Меня накрыла волна воспоминаний. Я, или не совсем я, сижу в столовой зале, прихлебываю чай с маленькими пирожными, рядом под ногами твякает левретка, я что-то отвечаю уже немолодой собеседнице, что сидит в чепце с воланом напротив меня, а потом резко темнеет в глазах, чашка выпадает из рук, и я теряю сознание. Последнее, что слышу перед тем, как отключиться, — это властный холодный мужской надтреснутый голос, спросивший: «Хайрис умерла?» А дальше — ничего. И лишь странный привкус на губах...

По последним я машинально провела рукой. Хотя сейчас на них точно яда уже не осталось. В том, что это был именно он, отчего-то сомнений не было. А вот в чередех нахлынувших воспоминаний — еще как. И это имя — Хайрис. Вернее, фамилия. Неужели...

Догадка поразила молнией. Я судорожно сглотнула и невидяще посмотрела на надгробия. На одном из них, рядом со мной, был газетный лист.

Я лихорадочно схватила его, развернула. «Имперский новостной лист» — гласил заголовок. А ниже оказались движущееся изображение и какая-то статья. Я подошла к окну, где света было больше, и вчиталась в строки об объявлении помолвки его высочества Ричарда и княжны дивного леса.